

БРИКС: ВЫЗОВЫ И ДИЛЕММЫ В ГОД ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВА РОССИИ В ОРГАНИЗАЦИИ

УДК 327, 339

БРИКС и новая модель гегемонистской стабильности

С. Л. Ткаченко¹, У. Койл²

¹ Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

² Бэбсон-колледж,
США, МА 02457, Массачусетс, Форест-стрит, 231, Бэбсон-парк

Для цитирования: *Ткаченко С. Л., Койл У.* БРИКС и новая модель гегемонистской стабильности // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. 2020. Т. 13. Вып. 3. С. 294–309. <https://doi.org/10.21638/spbu06.2020.301>

Форум крупнейших развивающихся экономик планеты БРИКС занимает одно из центральных мест в современном политическом процессе на глобальном уровне. Дебаты о причинах создания и результатах работы БРИКС продолжаются уже более десятилетия, при этом позиции представителей школ экономического национализма и либерализма по многим вопросам противоположны. Представители различных школ международной политической экономии (МПЭ) делают акцент на поиске общих интересов, объединивших пятерку стран БРИКС, и зачастую обнаруживают отсутствие общих ценностей и интересов, грозящее неизбежным крахом БРИКС. Данная статья выдвигает гипотезу о том, что на место первоначальному стремлению стран БРИКС изменить архитектуру международных финансов в пользу развивающихся государств приходит желание сохранить выгодные для этих государств характеристики глобальной экономики (низкие торговые барьеры, валютная стабильность, свобода движения инвестиций) в условиях упадка гегемонии США. Сегодня государства БРИКС разделяют стремление Китая обеспечить либеральный характер международной торговой системы при одновременном усилении государственного регулирования согласно модели «встроенного либерализма». Для обоснования данного подхода автор широко использовал идеи неомарксистской школы МПЭ, переживающей в настоящее время период своего ренессанса.

Ключевые слова: БРИКС, международная политэкономия, неомарксизм, Pax Sinica.

15 июня 2009 г., в канун первого саммита БРИК в Екатеринбурге, директор Центра России и Евразии РЭНД Корпорейшн Эндрю С. Вайсс опубликовал на сайте этой авторитетной организации статью, которая начиналась вопросом: «Имеет ли какой-то смысл клуб, в который входят такие радикально непохожие друг на друга страны, как Бразилия, Китай, Индия и Россия?» [1]. Известный специалист по России, много лет работавший в Совете национальной безопасности США и Госдепартаменте, на свой вопрос дал отрицательный ответ. По его мнению, недовольство деятельностью контролируемых Западом международных экономических институтов (МВФ, ВБ, ВТО), а также опасения в связи с безответственной политикой США по отношению к доллару как ключевой мировой валюте — недостаточно крепкий «клей», чтобы удержать надолго в одном политико-организационном формате крупнейшие развивающиеся экономики планеты.

Прошедшие с момента учреждения форума БРИК (с 2011 г. — БРИКС) годы показали, что государства-учредители не потеряли интереса к формату многостороннего диалога. Вокруг БРИКС за этот срок сформировалась собственная «экосистема» примерно из 40 структур, включающая диалог правительств, парламентов, советов безопасности, судебных органов, деловых кругов, экспертного сообщества, молодежных организаций, журналистов и т. д. Сегодня форум БРИКС превратился в заметный фактор глобальной политики, чья субъектность оспаривается все реже. Тем не менее поставленный Э. Вайссом еще 11 лет назад вопрос о *raison d'être* БРИКС требует ответа в силу постоянных изменений внешней среды, в которой форум развивается все эти годы.

В Российской Федерации создание БРИКС рассматривалось как важное геополитическое событие [2; 3]. Отдавая дань финансово-экономическому направлению в деятельности БРИКС (создание Нового банка развития и Пула условных валютных резервов), многие российские эксперты склонны объяснять его многолетнее функционирование двумя причинами: 1) БРИКС существует более десяти лет, и столь долгий срок доказывает обоснованность учреждения форума [4; 5]; 2) пятерку государств форума объединяет недовольство существующим миропорядком, и пока в нем не произойдут коренные изменения, деятельность БРИКС будет иметь масштабные политические последствия [6].

За пределами России рассмотрение экспертами БРИКС как политического объединения, а тем более как структуры, способной бросить вызов *Pax Americana*, не получило широкого распространения. Зарубежные эксперты, как правило, не разделяют интереса российских политологов к сценариям коллективного принятия форумом решений по вопросам глобальной безопасности [7]. Более заинтересованное отношение у них к потенциалу БРИКС как форума, в рамках которого нынешняя американоцентричная модель мировой экономики будет трансформирована и приобретет некое новое качество [8].

Как сторонники, так и противники современной системы, в рамках которой без согласия США ни одно важное для мировой экономики начинание не может быть реализовано, признают новую реальность: Китай не в состоянии заставить ведущие государства планеты действовать по собственной воле, но он вполне способен своими усилиями заблокировать любую новую инициативу США или дестабилизировать уже реализуемые [9, с. 164, 166]. Получив возможность действовать в качестве своеобразного «государства-спойлера», Пекин пока ею не пользуется. При этом он посте-

ленно наращивает способность формулировать и продвигать собственные экономические инициативы, направленные на сохранение соответствующих интересам КНР характеристик современной мировой экономики, постепенно выдавливая США из отдельных регионов планеты (Центральная Азия, Африка) [10, с. 9].

Форум БРИКС позволяет расширить политико-экономическое пространство, уже именуемое некоторыми экспертами *Pax Sinica* [11]. В его рамках Пекин пытается утвердиться в качестве центрального элемента системы управления, сохранив наиболее значимые элементы предыдущей американоцентричной модели: низкие таможенные барьеры в торговле, способность противостоять финансово-экономическим кризисам благодаря накопленным валютным резервам, готовность выступить в роли кредитора последней инстанции для особенно пострадавших от кризисов государств.

Интерес к БРИКС у академического сообщества планеты постепенно снижается. Трансформация этого форума в международную организацию откладывается на неопределенное время и, возможно, никогда не произойдет [12, с. 199]. Обоснованность присутствия в форуме Бразилии и Южной Африки требует новых доказательств, а сами эти страны, являясь крупнейшими в своих регионах планеты, на уровне глобальной политики малозаметны [13, с. 731]. Поэтому сегодня формируется новая исследовательская повестка по тематике БРИКС. В ней форум рассматривается как инструмент реализации его государствами-членами собственных интересов. При этом особое внимание уделяется политике Китая в этой сфере.

Цель данной статьи — представить теоретическую модель, в рамках которой БРИКС выступает в качестве института, чья историческая роль состоит в стабилизации глобальной политико-экономической системы в условиях девальвации Вашингтоном своей миссии мирового лидера. Элементы изоляционизма в политике администрации Д. Трампа ведут к усилению опасности демонтажа существующего экономического порядка без замены его какой-то иной устойчивой и эффективной структурой глобального управления. Мы обращаемся к исследовательской повестке школы в теории международных отношений, известной как Международная политическая экономия (МПЭ), чтобы изучить последствия неспособности Вашингтона обеспечить «гегемонистскую стабильность» в период после 2017 г., а также оценить потенциал Китая и других государств БРИКС в деле создания уникальной для развивающихся государств модели «встроенного либерализма» [14], сходной с той, которую развитые государства глобального Севера построили после 1945 г. Мы также делаем попытку обосновать необходимость исполнения Китаем при благоприятной поддержке странами БРИКС части функций глобального лидерства (гегемонии) с целью сохранить либеральный характер мировой торгово-экономической системы, используя при этом убеждения и практические меры, заимствованные из арсенала современного неомарксизма.

Теория гегемонистской стабильности (ТГС) и «встроенный либерализм»: происхождение и актуальность сегодня

В монографии «Всемирная депрессия, 1929–1939» представитель реалистической школы МПЭ Чарльз Киндлбергер определил миссию государства-гегемона как внедрение в международную экономику ряда общественно значимых благ

(public goods). Искомая цель могла быть достигнута при условии успешного выполнения пяти функций. Лидер-гегемон должен:

- 1) обеспечивать возрастающую открытость рынков для торговли товарами;
- 2) противодействовать экономическим кризисам посредством контрциклической политики или, по крайней мере, путем оказания долгосрочной финансовой помощи странам, подверженным ударам кризисов;
- 3) контролировать относительную стабильность валютных курсов;
- 4) главенствовать при координации макроэкономической политики ведущих государств мировой экономической системы;
- 5) выступать в качестве кредитора последней инстанции, обеспечивая появившиеся в кризисную ситуацию страны ликвидностью (особенно во время острых финансовых кризисов) [15].

Названные выше факторы, сформировавшие запрос на «гегемонистскую стабильность», впервые возникли в межвоенный период (1918–1939). Они явились специфичными для конкретной ситуации, в которой оказались в тот период США. Крупнейшая с 1872 г. экономика планеты столкнулась в конце 1920-х годов с неспособностью преодолеть внутриэкономический кризис (Великую депрессию) без использования ресурсов мировой торговой системы.

Дэвид Лейк из Университета Калифорнии в Сан-Диего в критическом обзоре ТГС сформулировал функции государства-гегемона в более общем плане и с учетом практики управления США мировой экономикой в годы администрации президента Рональда Рейгана. Д. Лейк ограничил число выполняемых государством-лидером общественно значимых благ лишь тремя:

- 1) обеспечение мировой экономики денежной единицей, которая способна выполнять функции средства обращения, а также меры стоимости;
- 2) управление международной ликвидностью, которое позволяет в долгосрочной перспективе создавать условия для экономического роста, в среднесрочной перспективе смягчает амплитуду деловых циклов, а в краткосрочной перспективе успокаивает страны и их элиты во время финансовых паник;
- 3) гарантирование четких и закрепленных в законодательстве основных прав собственности на активы, используемые в экономической деятельности на международной арене [16, с. 462–463].

Политико-экономический смысл ТГС состоит в утверждении: либеральная международная торговля — результат целенаправленной деятельности государства-лидера (гегемона). Такое государство принимает на себя руководство процессом снижения барьеров в мировой торговле товарами и услугами, взамен предоставляя согласившимся не противодействовать этой политике странам комплекс общественно значимых благ: доступ товаров на свой внутренний рынок в обмен на взаимное открытие рынка для иностранных товаров (не только из страны-лидера!), а также получение помощи в периоды финансово-экономических кризисов.

Остающийся неопровергнутым уже более 40 лет вывод, который следует из утверждений авторов ТГС, состоит в том, что свободная от барьеров международная торговля возможна лишь при условии, что имеется единый центр (государство-

гегемон), обеспечивающий управление процессом либерализации и способный относительно равномерно распределять приносимые ею блага среди вовлеченных в систему государств. По мнению сторонников ТГС, если мировая политико-экономическая система из однополярной превратится в многополярную (в частности, в двухполярную), то становятся неизбежными возвращение торговых войн, возведение таможенных барьеров, конкурентные девальвации национальных валют и применение нетарифных мер защиты внутреннего рынка от импорта [17, с. 7–8]. То есть либеральная мировая экономика может существовать лишь в условиях политико-экономической однополярности, наличия среди государств-участников иерархии, в рамках которой верхнюю позицию занимает государство, стремящееся к либерализации международной торговли [18, с. 273].

Нет сомнений в том, что лидеры Китая и других стран БРИКС хорошо представляют себе архитектуру мировой политико-экономической системы и роль США в ее функционировании. Пока система работала без сбоев (включая кризис 2008 г., когда Вашингтон в полной мере исполнил функцию лидера, обеспечивающего глобальную стабильность), Пекин не предпринимал никаких мер для того, чтобы бросить вызов США или низвергнуть Вашингтон с занимаемых им доминирующих позиций [19, с. 440]. Ситуация в отношениях Вашингтона и Пекина начала обостряться после того, как МВФ признал экономику Китая крупнейшей в мире (октябрь 2014 г.), и вылилась в открытый конфликт после января 2017 г., когда сменился хозяин Белого дома. Либеральная мировая торговля, находившаяся на подъеме весь период после окончания Второй мировой войны, оказалась под угрозой в силу того, что государство-гегемон (США) перестало рассматривать ее как привлекательную, сделав ставку на протекционизм.

Как ориентированная на внешний мир модель гегемонистской стабильности сочетается с приоритетами внутренней экономической политики государства-гегемона и других стран, вовлеченных в эту систему? Ответ на этот вопрос дает теория «встроенного либерализма» (embedded liberalism), предложенная одним из основоположников конструктивистской школы в МПЭ профессором Гарвардского университета Джоном Рагги. По его мнению, либеральные идеи используются страной-гегемоном и другими развитыми странами глобального Севера преимущественно в рамках международной системы. А на национальном уровне вместо рецептов, опирающихся на либеральную экономическую модель, ведется проактивная социально-экономическая политика (например, кейнсианская). Главная миссия «встроенного либерализма»: обогащение традиционного для развитых демократических государств либерализма социал-демократическими идеями (внутри страны) и активное продвижение либеральных рецептов на уровне мировой экономики с целью открытия рынков других государств, снижения таможенных барьеров, гарантирования иностранных инвестиций [20].

Гегемонистская стабильность и «встроенный либерализм» органически связаны между собой. Эффективное использование производимых ими благ — привилегия развитых государств, обменивающих лояльность лидеру-гегемону на возможность получать выгоду от режима свободной торговли, а также строить собственное «государство всеобщего благосостояния», в котором социал-демократические идеи и правительственные меры доминируют над либеральными [21]. Демонтаж системы гегемонистской стабильности, происходящий на наших глазах, приведет к формиро-

ванию противостоящих друг другу групп государств, нацеленных не на сотрудничество, а на конфликт. Это негативно скажется на темпах роста мировой экономики, заставит переписать правила поведения государств и транснациональных корпораций в ней, будет способствовать усилению в межгосударственных отношениях анархии.

БРИКС и гегемонистская стабильность

Вопросу о том, по каким причинам Россия в сентябре 2006 г. выступила с идеей созвать форум БРИК, уделено недостаточное внимание. Тезис о том, что лидеры крупнейших развивающихся государств планеты оказались очарованы идеями главного экономиста банка «Голдман Сакс» Джима О'Нила, утверждавшего, что экономическое будущее планеты принадлежит их странам, не заслуживает серьезного внимания. По нашему мнению, главным мотивом в действиях России стало возникшее после неудачного для Кремля саммита «Группы восьми» (G8) в Санкт-Петербурге понимание, что в рамках этого форума Россия обречена на роль «младшего партнера». Позиция Кремля по ключевому для него вопросу об энергетической безопасности на саммите в Стрельне 15–17 июля 2006 г. была проигнорирована лидерами ведущих экономик планеты. В сложившейся ситуации прогнозировать улучшение отношения Запада к России в рамках G8 не было никаких оснований [22; 23]. Диалог с быстро развивавшимися и уважительно относившимися к своему суверенитету Китаем, Индией и Бразилией обещал Москве более внимательное отношение к ее интересам. Более того — двусторонние отношения со всеми тремя государствами после 2000 г. были на подъеме [24, с. 460]. Хотя ожидания у четверки государств — учредителей БРИК были различными, но идея форума оказалась для каждого из них своевременной.

По мнению Эдварда Мансфилда, «накопленного в МПЭ знания достаточно для того, чтобы объяснить поведение “усиливающихся государств” (rising powers), поскольку ни одно из них не угрожает современной архитектуре глобальной экономики и позициям, которые в ней занимают США и Европейский союз» [25]. При этом американский эксперт делает важную оговорку: применительно к Китаю ситуация более сложная, поскольку эта страна опережает другие по своим военным и экономическим возможностям, что требует внимательного изучения связей между политической экономией его развития и стремлением обеспечить свою национальную безопасность.

Масштабные структурные реформы начались в государствах БРИКС практически одновременно, в 1980-е годы. Их результаты имеют глобальные последствия, поскольку они привели к изменениям баланса сил, сформировавшегося в мировой политике после окончания холодной войны [26, с. 59]. Ряд экспертов считает, что данные реформы неизбежно ведут к подрыву гегемонистской миссии США, следствием чего станет рост политико-экономической нестабильности в мире [27]. Другие эксперты утверждают, что глобальному статус-кво «новички» не угрожают, поскольку страны БРИКС полностью поглощены своими внутренними проблемами, не выражают желания взять на себя ответственность за мировые дела, не имеют для этого экономических и интеллектуальных ресурсов. Возможно, утверждают сторонники данного подхода, нынешний потенциал БРИКС способен повлиять на архитектуру отношений в системе Юг–Юг, но за ее пределами даже такие государ-

ства-гиганты, как Китай и Индия, повлиять на современную модель мироустройства не способны [28].

С позиций реалистической школы МПЭ Китай до относительно недавнего времени выступал в системе глобальной экономики в роли free-raider, т.е. «безбилетника». Пользуясь созданными в предшествующем историческом периоде благами (открытые рынки, низкие таможенные барьеры, свободное движение капиталов), Пекин десятилетиями поддерживал искусственно заниженный курс юаня, применял нетарифные барьеры для импортируемых товаров, а также сложные бюрократические процедуры, препятствовавшие репатриации прибыли зарубежными инвесторами. Возможности проводить такую политику были исчерпаны в начале второго десятилетия XXI в., когда под давлением США Китаю пришлось ревальвировать юань и шире открыть внутренний рынок для импорта. В эти годы на рост китайской экономики также стали оказывать негативное влияние повышение уровня жизни населения и рост стоимости рабочей силы.

После мирового кризиса 2008 г. перед КНР встала задача выработки новой стратегии, позволяющей сохранить высокие темпы роста национальной экономики, а также постоянное увеличение объемов экспорта. Меры, принятые в Китае при нынешнем поколении руководителей страны, включая проект «Один пояс, один путь», соответствуют характеристикам ТГС и модели «встроенного либерализма», конечно, с китайской спецификой [29]. Ее отличительные черты: стимулирование правительством спроса внутри страны и сохранение в интересах китайских экспортеров либерального экономического порядка в глобальной системе.

Разрабатывая новую стратегию развития, Пекин отказался от приписываемой его оппонентами роли «глобального революционера-реформатора», предпочтя ассоциировать свой новый курс с идеями свободной торговли и игры по единым для всех акторов международной экономической системы правилам [30]. Ключевым моментом в позиционировании Китая в качестве «традиционной державы» стала во многом недооцененная экспертами речь председателя КНР Си Цзиньпина на Всемирном экономическом форуме в Давосе 18 января 2017 г., в которой он выступил за сохранение и укрепление открытой мировой экономики, предупредив о негативных последствиях протекционизма.

Два ключевых высказывания Си Цзиньпина в его речи в Давосе, по нашему мнению, следующие: «Торговый протекционизм и самоизоляция никому не принесут пользы»; «Мы должны укреплять координацию и улучшать управление для обеспечения здорового роста экономической глобализации и сделать ее открытой, всеобъемлющей, сбалансированной и полезной для всех» [31]. Фактически лидер Китая послал всей планете ясный сигнал: если США не смогут выполнять в будущем роль «гегемона-стабилизатора» существующей сегодня либеральной модели мировой торгово-экономической системы, то Пекин готов примерить на себя эту роль.

G-zero и поиски государствами БРИКС механизмов управления глобальной экономикой

Необходимость координации усилий крупнейших демократических государств планеты по обеспечению стабильности мировой экономики была осознана достаточно поздно, в период экономической депрессии 1970-х годов, последовавшей за

крахом Бреттон-Вудской системы (август 1971 г.) и взлетом цен на нефть (осень 1973 г.). Для решения данной задачи была создана «Группа шести» (впоследствии «Группа семи») — инновационная форма институционализации межгосударственных связей, предполагавшая ежегодное проведение форума лидеров ведущих экономик планеты. Созданный осенью 1975 г. в разгар кризиса, охватившего практически все крупнейшие экономики западного мира, этот форум законсервировался в своем развитии, пережив практически без изменений окончание холодной войны и распад СССР.

Попытка приспособления группы к новым реалиям в виде включения в G7 России в качестве полноправного члена оказалась неудачной. Москва отказалась встраиваться в систему западных институтов в качестве рядового участника, следующего разработанным в Вашингтоне и поддержанным остальными участниками форума общим решением. Еще задолго до исключения России из числа участников G8 весной 2014 г. Россия лишилась иллюзий относительно способности «Восьмерки» управлять глобальной экономикой, а также возможности для российской дипломатии использовать трибуну форума для защиты национальных интересов. В 2000–2013 гг. партнеры России по G8 игнорировали такие важные для российской дипломатии темы, как энергетическая безопасность, уважение суверенного статуса, отказ от вмешательства во внутренние дела других государств.

Уже основательно забытая идея создания «Группы двух» стала еще одной попыткой обеспечить стабильность мировой экономики посредством координации действий наиболее развитых государств планеты. Данная идея предполагала стратегическое партнерство США и Китая для определения ими направлений развития мировой экономики и бесконфликтного разрешения противоречий, возникающих в этом процессе. Проект «Группы двух» впервые был предложен в 2005 г. известным экономистом Фредом Бергстеном [32] и активно поддержан многими видными фигурами из мира политики и науки, включая известного китайского экономиста Джастина Ифу Линя, британского историка Ниалла Фергюсона, а также отставного американского политика Збигнева Бжезинского. Но предпринятые летом–осенью 2009 г. президентом США Бараком Обамой и представителями его администрации попытки убедить КНР принять предложение о создании дуумвирата для обеспечения глобальной стабильности натолкнулись на резко негативную реакцию Китая [33]. Осознавая существенное отставание своего военного, а также экономического потенциала от потенциала США, Пекин опасался, что создание «Группы двух» законсервирует процесс усиления международных позиций Китая. Для нашего исследования важно отметить, что именно в этот период Китай принял решение участвовать в форуме БРИКС и активно поддержать рассматриваемые в его рамках проекты.

Разочарование неспособностью ведущих экономик планеты создать площадку для диалога по вопросам глобальной политико-экономической стабильности привело к популярности тезиса о возникновении G-zero World, т. е. «мира Группы нуля». Тезис о том, что причиной усиливающегося вакуума власти в мировой политике являются упадок развитых демократических государств и их концентрация на собственных проблемах при игнорировании носящих глобальный характер новых угроз, был высказан Ианом Бреммером в опубликованной в 2012 г. книге [34] и нашел множество сторонников.

Отказавшись в 2009 г. от сделки с США, Китай был и остается заинтересован в наличии своеобразной «трибуны» для коммуникации с мировым сообществом по вопросам стабильности. Мы считаем, что именно в этом качестве руководство Китая поддержало форум БРИКС и рассматривает его соответствующим своим национальным интересам.

За прошедшие годы в деятельности БРИКС проявились характеристики, в конечном итоге определяющие идентичность данного форума. Выделим несколько наиболее заметных:

- 1) демонстративно негативное отношение к либерализму как идеологии и политике. В принятых к настоящему моменту одиннадцати декларациях по итогам ежегодных форумов БРИКС существительное «либерализм» либо производные от него прилагательные не были использованы ни одного раза ни в русскоязычной, ни в англоязычной версиях указанных деклараций. То есть ассоциируемый с США и западным миром в целом либерализм является табу для всей пятерки государств;
- 2) прагматичное отношение к глобализации. Из официальных документов БРИКС следует, что лидеры пятерки признают: глобализация развивается по своим объективным законам, и БРИКС строит свою деятельность с учетом данных законов;
- 3) рассмотрение «Группы двадцати» в качестве трибуны, с которой удобно выдвигать и отстаивать общие для стран — участниц БРИКС идеи, как правило, касающиеся защиты интересов государств с формирующимися рынками. Отметим, что если в первые годы истории БРИКС координация позиций в рамках G20 привлекала первостепенное внимание его лидеров, то затем G20 стала уходить на второй план, опускаясь все ниже в текстах деклараций ежегодных форумов: с первого места в декларации 2009 г. до пункта номер 23 в декларации 2019 г.

Сегодня БРИКС находится на переломном этапе своего развития. В его повестке стоят острые вопросы, требующие ясных немедленных ответов. Вот лишь некоторые из них: если возникнет новая модель управления мировой экономикой, то будет ли она действительно глобальной или же она будет состоять из нескольких региональных сегментов? На каких идеях и ценностях будет строиться управление глобальной экономикой? Если в предыдущих гегемонистских системах (Рак Britannica и Рак Americana) государство-лидер всегда было более либеральным, чем остальные участники системы, то сохранится ли эта модель в будущем? Какие последствия для интеграции на постсоветском пространстве будет иметь гегемонистское лидерство Китая?

Применяя инструментарий МПЭ для изучения нынешнего состояния БРИКС и перспектив его развития, мы пришли к выводу о том, что форум в поиске общего фундамента для своей деятельности отходит не только от либеральных ценностей (об этом было сказано выше), но и от убеждений, свойственных экономическому национализму, на которых строится ТГС. Стремясь в будущем выполнять некоторые из функций лидера-гегемона, предусмотренные данной теорией [35, с. 211], КНР при нейтрально-благожелательной позиции партнеров по БРИКС все более открыто опирается в своей внутриэкономической политике и деятельности на

международной арене на убеждения, типичные для современного неомарксизма. Отчасти этот феномен можно объяснить природой политической системы Китая после 1949 г. и 70-летним опытом выборочного внедрения идей, сформулированных К. Марксом и его последователями. Еще одна причина интереса к неомарксизму — его положительное отношение к возрастающей роли государства в жизни общества на нынешнем этапе глобализации, характеризующемся неравномерностью развития и кризисами неизвестных прежде масштабов [36]. Эффективный ответ на такие кризисы, считают неомарксисты, могут дать только государство и его институты [37, с. 7]. Школа экономического национализма в МПЭ в качестве равноправных партнеров государства рассматривает широкий спектр негосударственных акторов (корпорации, профессиональные объединения, неправительственные организации, рынки). А современные неомарксисты представляют систему управления современным государством как иерархически ранжированную, при этом на вершине властной пирамиды расположено государство с учрежденными им институтами. В традиционном марксизме классы, а не государство или рынок были центральным элементом общественно-политической жизни. Опыт финансово-экономических кризисов и пандемий XXI столетия убедил неомарксистов в том, что «государство возвращается» и для защиты граждан в периоды потрясений именно оно обязано принять на себя потерянные в эпоху либеральной глобализации полномочия.

Основными характеристиками «самобытного китайского социализма» являются: построение среднезажиточного общества; гармонизация экономических достижений и социальных стандартов; преодоление существенной имущественной дифференциации населения; формирование экологической культуры; усиление внимания к человеку как важнейшее условие модернизации; обеспечение мирного развития и гармонизации межгосударственных отношений; продвижение на международной арене достижений китайской культуры [38]. Бросая вызов канонам теории и практики неолиберализма конца прошлого века, указанные выше характеристики носят по отношению к реалиям современной глобальной экономики универсальный характер, свойственный неомарксизму. При определенной корректировке и с учетом национальной специфики они могут быть поддержаны политическими элитами многих стран планеты, включая государства БРИКС.

С позиций теории МПЭ к числу базовых убеждений современного неомарксизма, развивающих творческий потенциал теории зависимости и теории современной мировой системы, по нашему мнению, можно отнести следующие:

- основной и наиболее надежный источник государственной мощи — контроль средств производства;
- технологии, в том числе наиболее современные и уникальные, — двигатель экономического развития и воплощение государственной мощи;
- мировая политико-экономическая система — это система силовых отношений, а не свободного обмена, который снижает барьеры между государствами, но не устраняет их полностью;
- мировая система консервативна, она сопротивляется инновациям, поэтому изменения в ней возможны только путем реализации гигантских проектов (подтверждение — проект «Один пояс, один путь») или же насильственных

действий (социальных революций, к которым Китай относится подчеркнуто уважительно);

- возрастающая государственная мощь используется для определенного типа изменений в мировой системе, поэтому более высокое место в глобальной иерархии дает дополнительные возможности по определению ее структуры и характера политико-экономических отношений.

Современное поколение лидеров Китая практическими действиями поддерживает большинство из указанных выше положений. Так, в 2019 г. из 100 крупнейших компаний Китая, чьи акции котировались на бирже, в 99 государство было мажоритарным акционером. То есть государственная власть КНР ускоренно консолидирует быстро растущие активы крупнейших компаний для достижения решающего преимущества в конкуренции с либеральными экономическими системами Запада. Вся мощь государственной машины Китая брошена сегодня на защиту интересов технологического лидера — компании Huawei. Пытаясь воздействовать на другие государства международной системы силой своего примера, в критических ситуациях КНР недвусмысленно демонстрирует растущую военную мощь. И все это естественным для Пекина образом сочетается с призывами к сохранению либерального экономического порядка на глобальном уровне, как и рекомендует теория «встроенного либерализма».

Заключение

Проведенное нами исследование показало, что для оценки ценностно-теоретического фундамента, на котором сегодня строится БРИКС, требуется выйти за рамки ставшего привычным для современной теории международных отношений выбора между либерализмом и национализмом. Мы считаем, что поиск теоретической платформы, способной объяснить причины совместной работы наиболее крупных развивающихся государств в рамках форума БРИКС, требует внимательного отношения к неомарксистской школе МПЭ в ее современной, только сейчас формирующейся версии. Она не отвергает модель гегемонистской стабильности с государством-лидером, исповедующим ценности либеральной торговой системы, и без труда позволяет такому государству интегрировать практику «встроенного либерализма» как на национальном уровне, так и в рамках международной системы. Именно государство выступает для этой школы центральным элементом управления национальной экономикой и стратегического планирования развития глобальной системы (или ее отдельных региональных сегментов).

По нашему мнению, КНР с момента провозглашения идеи проведения форума БРИКС планировала использовать его как трибуну для усиления своих лидирующих позиций среди развивающихся государств планеты. Российская Федерация рассматривала БРИКС как инструмент сдерживания США на международной арене и преуспела в этом, воспрепятствовав проведению США и другими государствами НАТО военной операции в Сирии в начале осени 2013 г. Экстренная встреча лидеров БРИКС, состоявшаяся в Стрельне под Петербургом 5 сентября 2013 г., позволила им согласовать единую позицию по Сирии — никакой военной операции против суверенного государства они не потерпят. Такого заявления оказалось достаточно для

того, чтобы остановить уже разворачивавшуюся военную операцию США против Сирии. Мы считаем, что Россия и далее будет использовать формат БРИКС для сдерживания односторонних военно-политических действий США в мире.

Что же касается главной миссии БРИКС, которую мы видим в сохранении открытого (либерального) характера мировой торгово-экономической системы, то в этом вопросе Россия отдала инициативу Китаю. Москва сконцентрировалась на углублении интеграционных процессов на пространстве бывшего СССР и рассчитывает на то, что Пекин ей не будет в этом препятствовать. Проводимые в настоящее время в Индии, Бразилии и Южной Африке реформы, предусматривающие сохранение и даже усиление присутствия государства в экономике, а также повышение ответственности власти за поддержание приемлемого уровня жизни граждан, соответствуют модели «встроенного либерализма» [39–41]. Они не бросают вызов стремлению Китая занять лидирующие позиции в мировой торговле, свободной от чрезмерных барьеров.

Литература

1. Weiss, A.S. (2009), BRIC-à-Brac. Commentary, *The RAND, Blog*. URL: <https://www.rand.org/blog/2009/06/bric-agrave-brac.html> (дата обращения: 19.04.2020).
2. Концепция участия Российской Федерации в БРИКС. Утверждена Президентом РФ 9 февраля 2013 года. URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/41d452a8a232b2f6f8a5.pdf> (дата обращения: 18.04.2020).
3. Лавров, С. (2012), БРИКС — глобальный форум нового поколения, *Международная жизнь*, № 3. URL: <http://interaffairs.ru/author.php?n=arpg&pg=625> (дата обращения: 18.04.2020).
4. Хейфец, Б. (2015), Перспективы институционализации БРИКС, *Вопросы экономики*, № 8, с. 25–42.
5. Бордачев, Т., Панова, В. и Суслов, Д. (2020), БРИКС и пандемия сотрудничества. Доклад Международного дискуссионного клуба Валдай. Апрель. URL: https://www.globalaffairs.ru/wp-content/uploads/2020/04/doklad_briks-i-pandemiya-sopernichestva.pdf (дата обращения: 22.04.2020).
6. Колдунова, Е. В. (2014), Роль стран БРИКС в глобальном управлении, *Сравнительная политика*, № 1, с. 60–64.
7. Stuenkel, O. (2014), Emerging Powers and Status: the Case of the First BRICs Summit, *Asian Perspective*, no. 38, pp. 89–109.
8. Thakur, R. (2014), How representative are BRICS?, *Third World Quarterly*, no. 10, pp. 1791–1808.
9. Kastner, S. L. and Saunders, P. C. (2012), Is China a Status Quo or Revisionist State? Leadership Travel as an Empirical Indicator of Foreign Policy Priorities, *International Studies Quarterly*, vol. 56, pp. 163–177.
10. Paul, T. V. (2017), Recasting Statecraft: International Relations and Strategies of Peaceful Change, *International Studies Quarterly*, vol. 61, no. 1, pp. 1–13.
11. Kueh, Y. Y. (2012), *Pax Sinica: Geopolitics and Economics of China's Ascendance*, Hong Kong: HKU Press.
12. Sinha, A. (2018), Building a Theory of Change in International Relations: Pathways of Disruptive and Incremental Change in World Politics, *International Studies Review*, vol. 20, no. 2, pp. 195–203.
13. Pant, H. V. (2015), Can BRICS Shape a New World Order?, *International Studies Review*, vol. 18, no. 4, pp. 731–732.
14. Ruggie, J. G. (1982), International Regimes, Transactions, and Change: Embedded Liberalism in the Postwar Economic Order, *International Organization*, vol. 36, no. 2, pp. 379–415.
15. Kindleberger, C. P. (1973), *The World in Depression, 1929–39*, Berkeley, Ca: University of California Press, pp. 288–295.
16. Lake, D. A. (1993), Leadership, Hegemony, and the International Economy: Naked Emperor or Tattered Monarch with Potential? *International Studies Quarterly*, vol. 37, no. 4, pp. 462–463.
17. Mearsheimer, J. (2018), Bound to Fail: The Rise and Fall of the Liberal International Order, *International security*, vol. 43, no. 4, pp. 7–8.
18. Farrell, H. and Quiggin, J. (2017), Consensus, Dissensus, and Economic Ideas: Economic Crisis and the Rise and Fall of Keynesianism, *International Studies Quarterly*, vol. 61, no. 2, pp. 269–283.

19. Mansfield, E. D. (2014), Rising Powers in the Global Economy: Issues and Questions, *International Studies Review*, vol. 16, no. 3, pp. 437–466.
20. Ruggie, J. G. (1991), Embedded Liberalism Revisited: Institutions and Progress in International Economic Relations, in *Progress in Postwar International Relations*, ed. by Adler, E. and Crawford, B., New York: Columbia University Press, pp. 201–234.
21. Ткаченко, С. Л. и Козловский, В. В. (2019), Современная социальная политика России и Индии: оценка и сравнительный анализ, *Беларуская думка*, № 2, с. 80–86.
22. Ткаченко, С. Л. (2014), БРИКС и внешняя политика Российской Федерации, в *БРИКС в системе международных отношений: новый этап международного партнерства*, Сб. науч. трудов, ред. Лихачев, К. А., СПб.: СПбГУ, с. 23–35.
23. Ткаченко, С. Л. (2015), Россия как энергетическая сверхдержава: история концепции, *КЛИО: Журнал для ученых*, март, № 99, с. 27–33.
24. Denisov, I., Kazantsev, A., Lukyanov, F. and Safranchuk, I. (2019), Shifting Strategic Focus of BRICS and Great Power Competition, *Strategic Analysis*, vol. 43, no. 6, pp. 487–498.
25. Mansfield, E. D. (2014), Rising Powers in the Global Economy: Issues and Questions, *International Studies Review*, vol. 16, no. 3, pp. 437–442.
26. Бурых, Д. Н. (2018), БРИКС как фактор глобальной политики, *Международная жизнь*, 2018, № 1, с. 59–73.
27. Donno, D. and Rudra, N. (2014), To Fear or Not to Fear? BRICs and the Developing World, *International Studies Review*, vol. 16, no. 3, pp. 447–452.
28. Castaneda, J. G. (2014), The trouble with the BRICs, *Foreign policy*, March 14. URL: <https://foreign-policy.com/2011/03/14/the-trouble-with-the-brics/> (дата обращения: 14.02.2020).
29. Ткаченко, С. Л. (2018), Политическая экономия российско-китайского экономического сотрудничества и ее влияние на проект «Один пояс — один путь», в *Сотрудничество Китая со странами с переходной экономикой в рамках проекта «Один пояс — один путь»*, ред. Цуй Чжэн и Цюй Вэньи, М.: МАКС Пресс, с. 152–163.
30. Tkachenko, S. L. (2020), BRICS and Development Alternatives, *Rekindling the Strong State in Russia and China: Domestic Dynamics and Foreign Policy Projections*, ed. by Bianchini, S. and Fiori, A., Leiden, Boston: Brill, pp. 271–297.
31. Председатель КНР Си Цзиньпин призвал к достижению общего и взаимовыигрышного развития для будущего человечества (2017), *Синьхуа Новости (КНР)*, 19.01. URL: http://russian.news.cn/2017-01/19/c_135996814.htm (дата обращения: 12.04.2020).
32. *The United States and the World Economy: foreign economic policy for the next decade* (2005), ed. by Bergsten, C. F., Washington, DC: Peterson Institute.
33. Junbo, J. (2009), China says ‘no thanks’ to G2, *Asia Times*, May 29. URL: <http://www.atimes.com/atimes/China/KE29Ad01.html> (дата обращения: 18.03.2020).
34. Bremmer, I. (2012), *Every Nation for Itself: Winners and Losers in a G-Zero World*, New York: Portfolio.
35. Layne, C. (2012), This Time It’s Real: The End of Unipolarity and the Pax Americana, *International Studies Quarterly*, vol. 56, no. 1, March, pp. 203–213.
36. Tianbiao, Z. and Pearson, M. (2015), Globalization and the role of the state: Reflections on Chinese international and comparative political economy scholarship, in *International Political Economy in China: The Global Conversation*, ed. by Chin, G. T., Pearson, M. and Wang Yong, London: Routledge, pp. 78–107.
37. Maniatis, T. (2012), Marxist Theories of Crisis and the Current Economic Crisis, *Forum for Social Economics*, vol. 41, no. 1, April, pp. 1–19.
38. Румянцев, Е. Н. (2018), О некоторых международных аспектах XIX съезда КПК, в *Новая эпоха: Китай после XIX съезда КПК. Материалы научной конференции Центра политических исследований и прогнозов ИДВ РАН*, М.: Изд-во ИДВ РАН, с. 49–57.
39. Lamba, R. and Subramanian, A. (2020), Dynamism with Incommensurate Development: The Distinctive Indian Model, *Journal of Economic Perspectives*, vol. 34, no. 1, pp. 3–30.
40. Roberts, S. (2016), *An Agenda for Opening up the South African Economy: Lessons from Studies of Barriers to Entry*, Johannesburg: CCRED.
41. Afonso, J. R., Araújo, E. C. and Fajardo, B. G. (2016), The role of fiscal and monetary policies in the Brazilian economy: Understanding recent institutional reforms and economic changes, *The Quarterly Review of Economics and Finance*, vol. 60, no. 1, pp. 41–55.

Статья поступила в редакцию 4 мая 2020 года
Статья рекомендована в печать 15 июня 2020 года

Контактная информация:

Ткаченко Станислав Леонидович — д-р экон. наук, проф.; s.tkachenko@spbu.ru

Койл Уильям — д-р экон. наук, доц.; coyle@babson.edu

BRICS and a new model of hegemonic stability

S. L. Tkachenko¹, W. Coyle²

¹ St. Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

² Babson College,
231, Forest st., Babson Park, MA 02457, Massachusetts, USA

For citation: Tkachenko S. L., Coyle W. BRICS and a new model of hegemonic stability. *Vestnik of Saint Petersburg University. International Relations*, 2020, vol. 13, issue 3, pp. 294–309. <https://doi.org/10.21638/spbu06.2020.301> (In Russian)

BRICS as a forum of the largest developing economies is at the center of the global contemporary political process. There are ongoing debates for more than a decade on the reasons for the establishment and the ways of assessing the efficiency of BRICS. Two major theoretical perspectives in the international political economy (IPE), namely economic nationalism and liberalism, have opposing views on many aspects of these debates. They emphasize the search for common interests, which places the five BRICS states into a single forum, and find a lack of shared values/interests, which inevitably leads to a collapse of the forum in the near future. This article puts forward the following hypothesis: the original willingness of BRICS members to transform the architecture of international finances to the profit of developing nations has been replaced recently by a desire to preserve some of the attractive features of today's global economy (low trade barriers, monetary stability, and free movement of investment) in the context of the decline of US hegemony. Today, BRICS member states share China's intention to ensure the liberal nature of the international trading system while strengthening state control of public life according to the "embedded liberalism" model. To substantiate the hypothesis, the authors apply ideas from the neo-Marxist school of IPE, which is currently experiencing its renaissance.

Keywords: BRICS, international political economy, Neo-Marxism, Pax Sinica.

References

1. Weiss, A. S. (2009), BRIC-à-Brac. Commentary, *The RAND*. Available at: <https://www.rand.org/blog/2009/06/bric-agrave-brac.html> (accessed: 19.04.2020).
2. *Concept of participation of Russian Federation in BRICS. Approved by the President of Russian Federation on February 9, 2013*. Available at: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/41d452a8a232b2f6f8a5.pdf> (accessed: 18.04.2020).
3. Lavrov, S. (2012), BRICS — global forum of the new generation, *Mezhdunarodnaia zhizn'*, no. 3. Available at: <http://interaffairs.ru/author.php?n=arpg&pg=625> (accessed: 18.04.2020).
4. Kheifets, B. (2015), Prospects of BRICS institutionalization, *Voprosy ekonomiki*, no. 8, pp. 25–42. (In Russian)
5. Bordachev, T., Panova, V. and Suslov, D. (2020), BRICS and pandemia of cooperation, *Report of the International Discussion Club Valdai*, April. Available at: https://www.globalaffairs.ru/wp-content/uploads/2020/04/doklad_briks-i-pandemiya-sopernichestva.pdf (accessed: 22.04.2020). (In Russian)
6. Koldunova, E. V. (2014), Role of BRICS member-states in global governance, *Sravnitel'naya politika*, no. 1, pp. 60–64. (In Russian)
7. Stuenkel, O. (2014), Emerging Powers and Status: the Case of the First BRICS Summit, *Asian Perspective*, no. 38, pp. 89–109.

8. Thakur, R. (2014), How representative are BRICS?, *Third World Quarterly*, no. 10, pp. 1791–1808.
9. Kastner, S. L. and Saunders, P. (2012), Is China a Status Quo or Revisionist State? Leadership Travel as an Empirical Indicator of Foreign Policy Priorities, *International Studies Quarterly*, vol. 56, pp. 163–177.
10. Paul, T. V. (2017), Recasting Statecraft: International Relations and Strategies of Peaceful Change, *International Studies Quarterly*, vol. 61, no. 1, pp. 1–13.
11. Kueh, Y. Y. (2012), *Pax Sinica: Geopolitics and Economics of China's Ascendance*, Hong Kong: HKU Press.
12. Sinha, A. (2018), Building a Theory of Change in International Relations: Pathways of Disruptive and Incremental Change in World Politics, *International Studies Review*, vol. 20, no. 2, pp. 195–203.
13. Pant, H. V. (2015), Can BRICS Shape a New World Order?, *International Studies Review*, vol. 18, no. 4, pp. 731–732.
14. Ruggie, J. G. (1982), International Regimes, Transactions, and Change: Embedded Liberalism in the Postwar Economic Order, *International Organization*, vol. 36, no. 2, pp. 379–415.
15. Kindleberger, C. P. (1973), *The World in Depression, 1929–39*, Berkeley, Ca: University of California Press.
16. Lake, D. A. (1993), Leadership, Hegemony, and the International Economy: Naked Emperor or Tattered Monarch with Potential?, *International Studies Quarterly*, vol. 37, no. 4, pp. 462–463.
17. Mearsheimer, J. (2018), Bound to Fail: The Rise and Fall of the Liberal International Order, *International security*, vol. 43, no. 4, pp. 7–8.
18. Farrell, H. and Quiggin, J. (2017), Consensus, Dissensus, and Economic Ideas: Economic Crisis and the Rise and Fall of Keynesianism, *International Studies Quarterly*, vol. 61, no. 2, pp. 269–283.
19. Mansfield, E. D. (2014), Rising Powers in the Global Economy: Issues and Questions, *International Studies Review*, vol. 16, no. 3, pp. 437–466.
20. Ruggie, J. G. (1991), Embedded Liberalism Revisited: Institutions and Progress in International Economic Relations, in *Progress in Postwar International Relations*, ed. by Adler, E. and Crawford, B., New York: Columbia University Press, pp. 201–234.
21. Tkachenko, S. L. and Kozlovskij, V. V. (2019), Contemporary social policy of Russia and India: evaluation and comparative analysis, *Belaruska dumka*, no. 2, pp. 80–86. (In Russian)
22. Tkachenko, S. L. (2014), BRICS and foreign policy of Russian Federation, *BRICS in International Relations' system: new stage of international partnership. Proceedings of research papers*, ed. by Likhachev, K. A., St. Petersburg: SPbGU Publ., pp. 23–35. (In Russian)
23. Tkachenko, S. L. (2018), Russia as energy superpower: history of concept, *KLIO: Journal for researchers*, March, no. 99, pp. 27–33. (In Russian)
24. Denisov, I., Kazantsev, A., Lukyanov, F. and Safranchuk, I. (2019), Shifting Strategic Focus of BRICS and Great Power Competition, *Strategic Analysis*, vol. 43, no. 6, pp. 487–498.
25. Mansfield, E. D. (2014), Rising Powers in the Global Economy: Issues and Questions, *International Studies Review*, vol. 16, no. 3, pp. 437–442.
26. Burykh, D. N. (2018), BRICS as a factor of global politics, *Mezhdunarodnaia zhizn'*, no. 1, pp. 59–73. (In Russian)
27. Donno, D. and Rudra, N. (2014), To Fear or Not to Fear? BRICs and the Developing World, *International Studies Review*, vol. 16, no. 3, pp. 447–452.
28. Castaneda, J. G. (2014), The trouble with the BRICs, *Foreign policy*, March 14. Available at: <https://foreignpolicy.com/2011/03/14/the-trouble-with-the-brics/> (accessed: 14.02.2020).
29. Tkachenko, S. L. (2018), Political Economy of Russian-Chinese Economic Cooperation and Its Impact on the “One Belt — One Road” project, in *China's cooperation with economies in transition in the framework of the One Belt — One Road project*, ed. by Cui Zheng and Qu Wenyi, Moscow: MAKSS Press Publ., pp. 152–163. (In Russian)
30. Tkachenko, S. L. (2020), BRICS and Development Alternatives, *Rekindling the Strong State in Russia and China: Domestic Dynamics and Foreign Policy Projections*, ed. by Bianchini, S. and Fiori, A., Leiden, Boston: Brill, pp. 271–297.
31. President of the People's Republic of China Xi Jinping called for the achievement of common and mutually beneficial development for the future of humanity (2017), *Xinhua News* (PRC), January 19. Available at: http://russian.news.cn/2017-01/19/c_135996814.htm (accessed: 12.04.2020). (In Russian)
32. *The United States and the World Economy: foreign economic policy for the next decade* (2005), ed. by Bergsten, C. F., Washington, DC: Peterson Institute.
33. Junbo, J. (2009), China says 'no thanks' to G2, *Asia Times*, May 29. Available at: <http://www.atimes.com/atimes/China/KE29Ad01.html> (accessed: 18.03.2020).
34. Bremmer, I. (2012), *Every Nation for Itself: Winners and Losers in a G-Zero World*, New York: Portfolio.

35. Layne, C. (2012), This Time It's Real: The End of Unipolarity and the Pax Americana, *International Studies Quarterly*, vol. 56, no. 1, March, p. 203–213.
36. Tianbiao, Z. and Pearson, M. (2015), Globalization and the role of the state: Reflections on Chinese international and comparative political economy scholarship, in *International Political Economy in China: The Global Conversation*, ed. by Chin, G. T., Pearson, M. and Wang Yong, London: Routledge, pp. 78–107.
37. Maniatis, T. (2012), Marxist Theories of Crisis and the Current Economic Crisis, *Forum for Social Economics*, vol. 41, no. 1, April, pp. 1–19.
38. Rumyantsev, E. N. (2018), On some international aspects of the XIX Congress of the CPC, in *New Era: China after the XIX Congress of the CPC. Materials of the scientific conference of the Center for Political Research and Forecasts, IFES RAS*, Moscow: Izdatel'stvo IDV RAN, pp. 49–57. (In Russian)
39. Lamba, R. and Subramanian, A. (2020), Dynamism with Incommensurate Development: The Distinctive Indian Model, *Journal of Economic Perspectives*, vol. 34, no. 1, pp. 3–30.
40. Roberts, S. (2016), *An Agenda for Opening up the South African Economy: Lessons from Studies of Barriers to Entry*, Johannesburg: CCRED.
41. Afonso, J.R., Araújo, E. C. and Fajardo, B. G. (2016), The role of fiscal and monetary policies in the Brazilian economy: Understanding recent institutional reforms and economic changes, *The Quarterly Review of Economics and Finance*, vol. 60, no. 1, pp. 41–55.

Received: May 4, 2020
Accepted: June 15, 2020

Authors' information:

Stanislav L. Tkachenko — Dr. Sci. in Economics, Professor; s.tkachenko@spbu.ru
William Coyle — PhD in Economics, Associate Professor; coyle@babson.edu